

СВЯЗИ НЕРЕФЕРЕНТНЫХ СУБЪЕКТОВ КОНСТРУКЦИЙ ДЕАВТОРИЗАЦИИ В МЕДИАТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

И. М. БАСОВЕЦ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Построены две субъектные модели текстовой деавторизации – связнодисперсная и иерархическая. Установлены общие для сопоставляемых медиакультур признаки анализируемых моделей: связнодисперсной субъектной модели свойственны структурно-семантическая неоднородность активированных конструкций и языковых средств кодирования нереферентных субъектов, прагматическое обогащение основной коммуникативной интенции дополнительными эффектами; иерархическую субъектную модель отличают фиксированная гетерогенность референциальных характеристик субъектов верхних и нижнего уровней, гомогенная природа формальных средств кодирования и создание прагматического эффекта весомости сообщаемого. Определены признаки моделей в сравниваемых медиакультурах в отношении доминантного прагматического вектора, разновидностей нереферентности субъектных компонентов и языковых средств, необходимых для их кодирования.

Ключевые слова: текстовая деавторизация; конструкции деавторизации; нереферентный субъект; связнодисперсная субъектная модель; иерархическая субъектная модель.

СВЯЗІ НЕРЭФЭРЭНТНЫХ СУБ'ЕКТАЎ КАНСТРУКЦЫЙ ДЭАЎТАРЫЗАЦЫІ Ў МЕДЫЯТЭКСТАХ (НА МАТЭРЫЯЛЕ АНГЛІЙСКОЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОЎ)

І. М. БАСАВЕЦ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарова, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Пабудаваны дзве суб'ектныя мадэлі тэкставай дэаўтарызацыі – складнадысперсная і іерархічная. Устаноўлены агульныя для супастаўленых медыякультур прыкметы прааналізаваных мадэлей: складнадысперснай суб'ектнай мадэлі ўласцівы структурна-семантычная неаднароднасць актывізаваных канструкцый і моўных сродкаў кадыравання нерэферэнтных суб'ектаў, прагматычнае ўзбагачэнне асноўнай камунікатыўнай інтэнцыі дадатковымі эфектамі; іерархічную суб'ектную мадэль адрозніваюць фіксаваная гетэрагеннасць рэферэнцыйных характарыстык суб'ектаў верхніх і ніжняга ўзроўняў, гамагенная прырода фармальных сродкаў кадыравання і стварэнне прагматычнага эфекту важкасці таго, што паведамляецца. Вызначаны прыкметы мадэлей у медыякультурах, што параўноўваюцца, адносна дамінантнага прагматычнага вектара, разнавіднасцей нерэферэнтнасці суб'ектных кампанентаў і моўных сродкаў, неабходных для іх кадыравання.

Ключавыя словы: тэкставая дэаўтарызацыя; канструкцыі дэаўтарызацыі; нерэферэнтны суб'ект; сувязнадысперсная суб'ектная мадэль; іерархічная суб'ектная мадэль.

Образец цитирования:

Басовец ИМ. Связи нереферентных субъектов конструкций деавторизации в медиатекстах (на материале английского и белорусского языков). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2024;1:86–94.
EDN: FYNARG

For citation:

Basovets IM. Connections of non-referential subjects of deauthorisation structures in media texts (in the English and Belarusian languages). *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2024;1:86–94. Russian.
EDN: FYNARG

Автор:

Ирина Михайловна Басовец – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

Author:

Irina M. Basovets, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of theoretical and applied linguistics.
basovets@list.ru

CONNECTIONS OF NON-REFERENTIAL SUBJECTS OF DEAUTHORISATION STRUCTURES IN MEDIA TEXTS (IN THE ENGLISH AND BELARUSIAN LANGUAGES)

I. M. BASOVETS^a

^a*Minsk State Linguistic University, 21 Zaharava Street, Minsk 220034, Belarus*

The article constructs two subject models of text deauthorisation: coherently dispersed and hierarchical. The features of the analysed models that are common in the compared media cultures have been established: a coherently dispersed subject model is characterised by structural and semantic heterogeneity of activated structures and linguistic means of encoding of non-referential subjects, as well as pragmatic enrichment of the main communicative intention with additional effects; the hierarchical subject model is distinguished by the fixed heterogeneity of the referential characteristics of subjects of the upper and lower levels, homogeneous nature of formal encoding tools, and pragmatic effect of the weight of the message being communicated. Different features of the models in the compared media cultures have been identified in relation to the dominant pragmatic vector, types of non-referential subject components and linguistic means for their encoding.

Keywords: text deauthorisation; deauthorisation structures; non-referential subject; coherently dispersed subject model; hierarchical subject model.

Введение

Медиа́тексты являются продуктом интеллектуальной переработки событийного континуума журналистом, который в процессе анализа материала отфильтровывает компоненты событий и выстраивает отношения между ними. При этом среди компонентов событий важнейшую роль играют субъекты – источники информации. Установление взаимосвязи таких субъектов в пространстве медиатекста находится в фокусе настоящего исследования, причем интерес представляет только взаимосвязь неререферентных субъектов – источников информации.

Цель статьи – построение связнодисперсной и иерархической субъектных моделей текстовой деавторизации на материале англо- и белорусскоязычных медиатекстов.

В задачи исследования входят: 1) установление системных связей субъектных компонентов конструкций деавторизации в англо- и белорусскоязычных медиатекстах; 2) определение характерных признаков связнодисперсной и иерархической субъектных моделей текстовой деавторизации в анализируемых текстах; 3) выявление общих и специфичных черт исследуемых моделей в сопоставляемых медиакультурах.

Теоретические основы исследования

Проблемы референции в целом (см. труды [1–8]) и субъектной референции в частности, разными аспектами которой занимались Е. В. Будённая [9], С. В. Власенко [10], А. С. Кудрявцева [11], Е. В. Падучева [12], О. В. Фёдорова, А. М. Успенская [13] и другие ученые, в настоящее время вызывают интерес исследователей, работающих в различных областях языкознания и смежных с ним дисциплин. Субъектная референция идентифицирует субъекты, действия или состояния которых отражены в тексте или его фрагменте, представленном неполным или законченным фразовым либо сверхфразовым единством. Она может быть выражена любыми частями речи, употребление которых допустимо в составе номинативного ядра (субъектные актанты) фразового или сверхфразового единства [10]. Степень прозрачности субъектной референции источников информации медиатекста определяется способностью или неспособностью адресата соотнести текстовые единицы с субъектами реального мира. На данном этапе лингвистического анализа выделяются три референциальных типа субъектов – источников информации: референтные, или референциально прозрачные; неререферентные обобщенные, или затемненные; неререферентные неопределенные, или непрозрачные.

Несмотря на широкое обсуждение, ряд областей в сфере изучения субъектной референции продолжает оставаться до конца не исследованным. Речь идет об участии субъектной референции в реализации такой текстовой категории, как деавторизация. Предпосылки для квалификации деавторизации в качестве текстовой категории обнаруживаются в отечественной лингвистической литературе. Так, к примеру, при фиксации лингвопрагматических особенностей медиатекстов Т. Г. Добросклонская упоминает «намеренную деавторизацию новостного текста» – проявление «дистанцирования как от личности отдельного журналиста, так и от коллектива авторов, участвовавших в его составлении», деперсонифицированности и «насыщенности новостного текста различными видами пассивных форм и безличных

конструкций» [14, с. 26]. М. А. Кормилицына рассматривает синтаксические способы деавторизации в современных русскоязычных медиатекстах [15]. Текстостроительную функцию деавторизации отмечает С. В. Гричин: «...неавторизованные высказывания, представляющие собой конститутивные части текста, чередуясь, генерируют новые смыслы, импликации, обуславливая тем самым дальнейшее развитие текста» [16, с. 149]. Ю. Н. Драчева исследует научно-популярные медиатексты и фиксирует «языковой механизм деавторизации текста», под которым понимает «внесение в текст установки на неопределенное авторство» [17, с. 225–226]. Поскольку в термине «деавторизация» содержится указание на неопределенное или весьма обобщенное авторство сообщаемой информации, может возникнуть вопрос о связи исследуемого явления с понятием «коллективное авторство», которое выступает специфической характеристикой медиатекста [18, с. 130]. Согласно точке зрения отечественных ученых коллективное авторство рассматривается либо как гибридный продукт речетворчества журналиста и читателя-комментатора (т. е. оно представлено медиапрофессионалами разных специализаций и обычными пользователями, которые могут комментировать и интерпретировать сообщаемое, что не предполагает личной ответственности за речевой продукт) [19, с. 184], либо как обобщенный продукт информационных агентств, передающих сведения, которые не принадлежат изданию [20, с. 69]. Отметим, что деавторизация имеет отношение скорее не к коллективному продукту текстопорождения в сочетании «журналист + пользователь» или «журналист + агентство», а к безопасной лингвистической «упаковке», которую выбирает журналист-повествователь при подаче сведений от имени разных субъектов. Комплексный анализ деавторизации на уровне высказывания с установлением структурных, семантико-референциальных и прагматических характеристик реализующих ее единиц, а также ряд намеченных тенденций, подготовленных упомянутыми лингвистами в изучении деавторизации на уровне текста, позволили сформулировать определение понятия «текстовая деавторизация». Оно представляет собой коммуникативно-прагматическую категорию, предполагающую интегрирование неидентифицируемых чужих голосов в текст и их сцепление таким образом, что они способны переакцентировать отрезки текста, включить в ткань повествования предложения с размытым или нулевым авторством и одновременно создать видимость ссылок на разные источники для реализации различных прагматических задач. Основной единицей текстовой деавторизации является деавторизованное высказывание, которое вводится в текст с помощью конструкций деавторизации.

Наблюдения за функционированием деавторизованных высказываний в пространстве целого текста на материале англо- и белорусскоязычных произведений информационных и аналитических жанров позволяют не только зафиксировать их роль в развитии повествования, но и обнаружить, что субъекты в конструкциях деавторизации часто не располагаются хаотично, а образуют системные связи, которые можно представить графически в форме моделей, построенных по геометрическому принципу.

В работе использовались следующие методы: анализ способов расположения неререферентных субъектов конструкций деавторизации в медиатекстах, метод моделирования для построения двух субъектных моделей, методы семантического и контекстуального анализа для выявления прагматических функций конструкций деавторизации, а также лингвокультурологический метод для установления общих и отличительных черт компонентов исследуемых моделей в сопоставляемых медиакультурах.

Результаты и их обсуждение

Одной из наиболее распространенных субъектных моделей текстовой деавторизации в обеих медиакультурах является связнодисперсная модель. Если в относительно свободном порядке в разных частях текста точечно расположены различные по наполнению конструкции деавторизации, которые при этом демонстрируют тематическую связность и общий прагматический вектор, то субъектные компоненты таких конструкций можно представить в виде связнодисперсной субъектной модели текстовой деавторизации. Неререферентные субъекты конструкций деавторизации рассредоточены по тексту в виде комбинации примитивов, т. е. простейших фигур, элементы которых изображаются в форме точек. Данная субъектная модель имеет гомогенный и гетерогенный характер в отношении неререферентных типов субъектов – только неопределенных или неопределенных и обобщенных. Рассмотрим схематическое представление связнодисперсной модели на примере аналитической статьи на английском языке «How should you fight inflation? (Spoiler alert: not with interest rate rises)»¹ «Как бороться с инфляцией? (Спойлер: не с помощью повышения процентных ставок)»¹ (The Guardian. 2023. Jan. 27) (рис. 1). Здесь и далее по тексту при построении моделей приняты следующие символичные обозначения: S_n – неререферентный субъект; $S_{но}$ – неререферентный обобщенный субъект; $S_{нн}$ – неререферентный неопределенный субъект; T – объединяющая высказывания повествующих субъектов тема обсуждения.

¹Здесь и далее перевод наш. – И. Б.

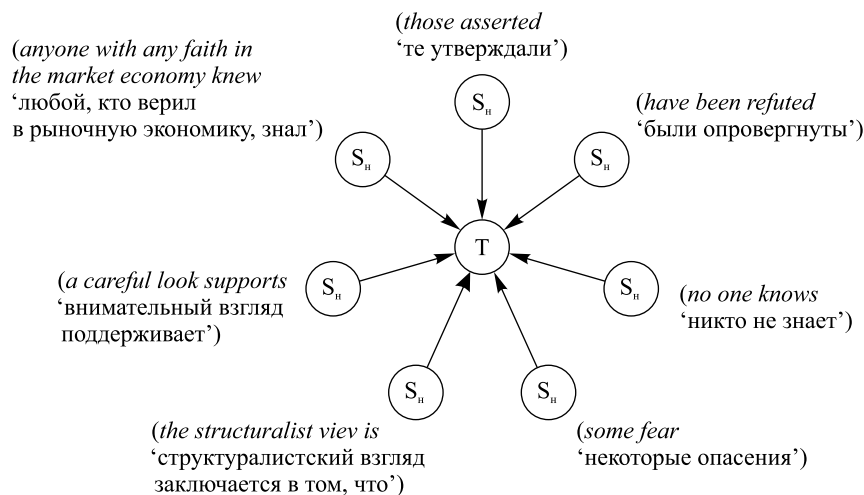

Рис. 1. Связнодисперсная субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

Fig. 1. The coherently dispersed subject model of text deauthorisation in the English article

В анализируемой статье связнодисперсная модель характеризуется гомогенностью не только в отношении употребления лишь неопределенных субъектов, но и с точки зрения использования схожих языковых форм их кодирования. Так, выражения, эксплицирующие референциальный выбор говорящего для субъектной номинации, содержат только редуцированные формы, которые включают указательное местоимение *those* 'те', неопределенные местоимения *some* 'некоторые', *anyone* 'любой', *no one* 'никто' и третьеличные нули в пассивной и номинализированных конструкциях. При этом редуцированные референциальные выражения с третьеличным нулем и указательным местоимением *those* 'те', которое не используется в анафорической функции, не только демонстрируют референциальную непрозрачность, но и допускают референциальную альтернативу при попытке декодирования их читателем, поскольку реконструирование возможного круга референтов зависит от индивидуального прочтения адресатом и его последующей инференции. В данной модели конструкции с референциально непрозрачными субъектами отражают ход рассуждений автора и подчиняются общей коммуникативной интенции – убедить в неэффективности повышения процентных ставок по кредитам для борьбы с инфляцией, при этом дополнительно они выполняют широкий комплекс прагматических задач. Одной из них является подача утверждения как общеизвестного, которая маркируется конструкцией с определительным местоимением со значением всеобщности (*anyone knew*). Исследователи отмечают, что такие конструкции используются для «представления суждения как разделяемого многими или всеми» [21, р. 23], введения в текст так называемого коллективного, или совместного, знания. В случае с номинализированными (*a look supports*, *the view is*) и пассивной (*have been refuted*) конструкциями реализуется задача снижения ответственности за сообщаемое. Лингвисты единодушно полагают, что вследствие использования бессубъектных конструкций «происходит нивелирование авторства и одновременно исчезновение ответственности» [22, р. 24], т. е. говорящий дистанцируется от передаваемого, снижает личную ответственность за утверждение [23, р. 356]. В подобных конструкциях субъектность, а следовательно, и ответственность, с ней связанная, понижаются или нивелируются. Задача сокрытия субъекта реализуется конструкцией с неопределенным местоимением (*some fear*).

Поскольку данная субъектная модель текстовой деавторизации предполагает относительно свободное расположение тематически связанных элементов, рассредоточенных по всему тексту, то в обеих сопоставляемых медиакультурах она представлена сходным образом как в отношении расположения в текстовой плоскости, так и в части реализации широкой палитры прагматических задач в рамках единой коммуникативной интенции. Продемонстрируем строение и функционирование связнодисперсной субъектной модели текстовой деавторизации в белорусскоязычном медиаполе на примере аналитической статьи «Фунт ліха. Куды рушыць Вялікабрытанія?» (Звязда. 2022. 15 мая) (рис. 2).

В отличие от англоязычной статьи с гомогенным характером субъектных компонентов, обнаруженных в ней, белорусскоязычная статья демонстрирует гетерогенность как в части разновидностей нереперентности субъектных компонентов (в составе конструкций деавторизации наряду с неопределенными обнаруживаются и обобщенные субъекты), так и в отношении языковых средств, необходимых для их передачи (для кодирования неопределенных субъектов используются только редуцированные референциальные выражения, включающие третьеличные нули в безличных конструкциях *наведамлялася*,

назіраецца, прагназуецца и указательное местоимение *той* в нереферентном статусе; для номинации нереферентных обобщенных субъектов употребляются полные именные группы *брытанскія рэтэйлеры, чытачы брытанскага выдання Daily Mail, рытуальнікі Вялікабрытаніі*). Смена конструкций деавторизации с обобщенными субъектными номинациями, кодируемыми полными именными группами, является не только текстовым сигналом переключения источников, но и средством управления вниманием реципиента и создания контекстуального эффекта подтверждения, который экстралингвистически обусловлен «требованием убедительности приводимых доводов: чем больше источников информации свидетельствуют в пользу данного утверждения, тем оно убедительнее» [16, с. 157]. В белорусскоязычной статье, как и в англоязычной, в рамках основной интенции автора (критически осветить существующее положение дел в стране из-за проблем в разных сферах) фиксируется ряд дополнительных прагматических эффектов, реализуемых конструкциями деавторизации. К ним относятся снижение ответственности за сообщаемое с помощью безличных конструкций и создание эффекта подтверждения, способствующего аргументированному изложению, посредством двусоставных глагольно-именных конструкций. Для реализации основной коммуникативной интенции в рассматриваемой статье автор прибегает к использованию эксплицитных и имплицитных средств: все представленные в тексте мнения, включая собственную, маркируемую авторизирующими конструкциями позицию журналиста, выражают критику в отношении проводимой в Великобритании фискальной политики; имплицитное же выражение критического подхода проявляется на уровне отбора комментариев и фактов для публикации. Экспликация авторской позиции производится: а) в форме собирательного инклюзивного наблюдения в сопровождении негативных оценочных единиц (*Мы назіраем відавочнае абцяцэньванне фунта стэрлінгаў на працягу 2022 года*); б) в виде индивидуального, маркируемого вводной конструкцией мнения (*Па-мойму, каментарыі тут залішня*). Отметим, что в обеих медиакультурах данная субъектная модель свойственна преимущественно аналитическим жанрам, что продиктовано присущей им формой изложения информации, которая основана на анализе конкретной темы, события или проблемы с освещением различных (в том числе обобщенных и неопределенных) точек зрения и их интерпретацией. Выбор журналистом обобщенных или неопределенных групп субъектов, их количества и подаваемых от их имени пропозиций обусловлен рефлексией журналиста-автора по поводу объективной действительности. Такая рефлексия, включающая мыслительные операции наблюдения, выбора, обобщения, анализа и интерпретации, находит воплощение в текстовой плоскости в том числе в смене конструкций деавторизации, которые объединены основным коммуникативным намерением автора (как правило, критикой) и структурированы в соответствии с авторской интенцией.

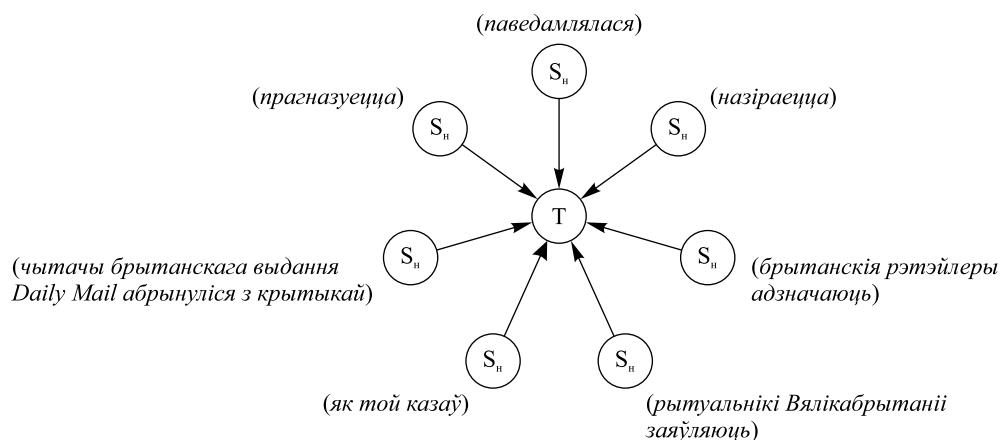

Рис. 2. Связнодисперсная субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье

Fig. 2. The coherently dispersed subject model of text deauthorisation in the Belarusian article

Любопытным в данной статье представляется случай употребления следующей конструкции деавторизации с указательным местоимением: *Аднак, як той казаў, не капай яму іншаму*. Здесь в качестве попутного замечания конструкция деавторизации маркирует введение легко узнаваемого и мысленно реконструируемого читателем фрагмента пословицы, выполняя роль своего рода авторитета, вековой народной мудрости. Подобное употребление, несвойственное англоязычному медиадискурсу, в белорусскоязычном медиополе является весьма распространенным. Интересно, что конструкции деавторизации, которые традиционно соотносятся с маркерами слухов (что в англоязычном медиополе, собственно, и происходит), в белорусскоязычных медиатекстах, как правило, выполняют функцию усиления

аргументации с опорой на культурологические фоновые знания. При этом наряду с неполным, частичным представлением подобных проявлений народной мудрости пропозиции могут воспроизвестись полностью, а конструкции деавторизации сопровождаться оценочным средством, маркирующим солидаризацию журналиста со сказанным. Ср.: *Карацей – абое рабое, як той казаў* (Звязда. 2022. 29 сак.); *Людзі праўду кажучь: адзін крок, не больш, ад любові да – мякка кажучы – яе адсутнасці...* (Звязда. 2022. 29 сак.); *Праўду кажучь: няма лесу без ваўка, а сяла без злодзея* (Звязда. 2020. 27 ліст.) и т. д. Конструкции деавторизации в функции передачи народной мудрости, которые сопровождаются оценочной лексической единицей для интенсификации аргументативной функции, демонстрируют «авторское вторжение в дискурс с целью больше направить, нежели проинформировать» [24, р. 18], а вербализация собственного отношения журналиста делает эксплицитным его присутствие в тексте, в результате чего предложение становится полисубъектным, поскольку осложняется авторским субъектным планом.

Иерархическая субъектная модель текстовой деавторизации, в которой используется представление сведений от имени нереферентных субъектов различных уровней, связанных отношениями включения, строится по принципу «часть – целое» путем развертывания информации на определенную тему, при этом каждый субъект может включать в себя один или несколько субъектов более низкого уровня. Рассмотрим строение иерархической модели на примере англоязычной новостной статьи «As war looms Israel calls for 1.1 m people to evacuate northern Gaza» ‘На фоне приближения войны Израиль призывает эвакуировать 1,1 млн человек с севера Газы’ (The Economist. 2023. Oct. 13) (рис. 3).

Рис. 3. Иерархическая субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

Fig. 3. The hierarchical subject model of text deauthorisation in the English article

Иерархия выстраивается с последующим сужением объема потенциальной референтной группы: страна – ее армия – источники в этой армии, не идентифицируемые адресатом. Кодирование неизвестных источников производится посредством полной именной группы и личного местоимения *they* ‘они’ в анафорической функции: *But army sources say it may be several more days before Israel goes ahead with its attack plan* ‘Но источники в армии говорят, что может пройти еще несколько дней, прежде чем Израиль приступит к осуществлению своего плана нападения’; *They also acknowledge the exodus will take longer than a day* ‘Они также признают, что массовая эвакуация займет больше одного дня’. Наряду с общими признаками, присущими анализируемой модели и рассмотренному выше субъектному конструкту (к примеру, единая коммуникативная интенция и тематическая связность), ее отличительные черты фиксируются: 1) в гомогенной природе референциальных характеристик субъекта у компонентов верхних уровней, которые являются референциально затемненными; 2) использовании специфических языковых средств для кодирования нереферентных обобщенных субъектов в составе субъектно-предикатных конструкций деавторизации – метонимичных существительных, что делает возможным их отнесение к некоторой уровневой группе для сравнения и выстраивания отношений ранжирования; 3) создании прагматического «эффекта весомости сообщаемого» [25, р. 164] благодаря семантике субъектных компонентов конструкций, поскольку сведения подаются от имени страны или ее важнейших органов; 4) оформлении вербального действия нереферентного субъекта в виде косвенной речи, предполагающей в результате ряда ментальных операций автора текста (обобщения, анализа, интерпретации и др.) некоторые сокращения или трансформации по отношению к оригинальному высказыванию, предположительно, известному журналисту. При подобном освещении новостного события происходит ослабление фактографической привязки текста к действительности по следующим причинам: а) ввиду нереферентности источника верифицировать сказанное адресатом нельзя; б) в результате компрессионной

передачи содержания высказываний субъектов, не идентифицируемых читателем, но, возможно, известных журналисту, с помощью косвенной речи вводится интерпретативный авторский компонент.

Структура иерархической модели не всегда является строго вертикальной: она способна иметь ответвления и приобретает древовидный характер, что можно продемонстрировать на примере белорусскоязычной статьи «Калапс падкраўся непрыкметна. Чаму на Еўропу абрынуўся “ідэальны шторм”?» (Звязда. 2022. 10 крас.) (рис. 4). В случае древовидного строения компоненты модели разных уровней имеют подчиненное положение, а элементы одного уровня связаны равностатусными (или близкими к таковым) отношениями.

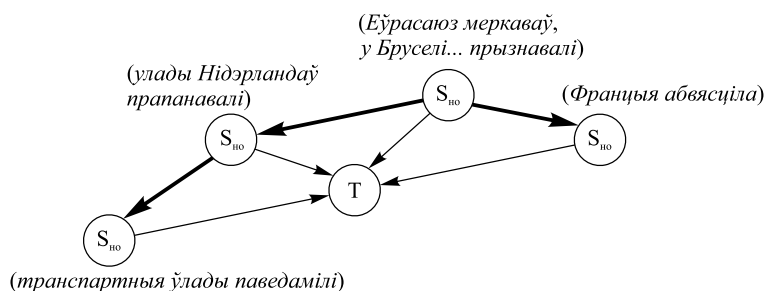

Рис. 4. Иерархическая субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье

Fig. 4. The hierarchical subject model of text deauthorisation in the Belarusian article

В данной статье тематически связанные деавторизованные высказывания нереперентного обобщенного субъекта верхнего уровня, который представлен субъектными номинациями *Еўрасаюз* и *Брусель*, располагаются в начале статьи и служат отправной точкой для развертывания авторского замысла: *Еўрасаюз меркаваў, што сёлета ён канчаткова адновіцца пасля пандэміі, узніме эканоміку і ўступіць у новую эру працвітання; У Бруселі... прызнавалі* *неабходнасць сярэднетэрміновых мер, каб пазбегнуць дэфіцыту*. В этом контексте номинации *Еўрасаюз* и *Брусель* трактуются как кореперентные, поскольку, по всей видимости, они кодируют представителей органов управления Евросоюза, основные институты которого находятся в Брюсселе. Одноуровневыми номинациями являются метонимичные существительные в составе конструкций *улады Нідэрландаў прапанавалі*, *Францыя абвясціла*, поскольку они выступают языковыми маркерами введения вербальной реакции представителей власти или ответственных лиц двух стран – членов Евросоюза, что с точки зрения ранга позволяет интерпретировать их как равностатусные по отношению друг к другу и как разностатусные, подчиненные с позиции верхнего элемента иерархии. Далее в рамках одной из ветвей древовидной структуры обнаруживается компонент нижнего уровня *транспартныя ўлады*, подчиненный номинации *улады Нідэрландаў*. Он демонстрирует сужение границ группы субъектов до профессиональной области, что, однако, не делает их реперентными.

Как и в англоязычном тексте, в белорусскоязычной статье в отношении рассматриваемой модели наблюдается структурно-семантический параллелизм конструкций деавторизации, поскольку используются метонимичные существительные для кодирования нереперентных субъектов, создается прагматический эффект весомости сообщаемого, а вербальные действия субъектов представляются в виде косвенной речи. В отличие от англоязычной статьи в белорусскоязычном тексте косвенная речь повествующих нереперентных субъектов характеризуется конкретизацией речевого действия источника информации со стороны журналиста (*прызнавалі, прапанавалі, абвясціла, паведамлілі*).

Заклучение

Субъектная референция является основой построения субъектных моделей текстовой деавторизации, разграничивать которые позволяет разная комбинация их структурно-семантических и референциально-прагматических признаков.

Связнодисперсная субъектная модель характеризуется: 1) структурно-семантической неоднородностью активированных конструкций и языковых средств кодирования нереперентных субъектов; 2) прагматическим обогащением основной коммуникативной интенции дополнительными эффектами.

Иерархическую субъектную модель отличают: 1) фиксированная гетерогенность референциальных характеристик субъектов верхних и нижнего уровней (для верхних уровней иерархии типичен нереперентный обобщенный субъект, для нижнего уровня – нереперентный неопределенный субъект); 2) структурно-семантический параллелизм и гомогенная природа формальных средств кодирования субъектов разных уровней (метонимичных существительных для субъектов верхних уровней и неопределенных номинаций для субъектов нижнего уровня); 3) создание прагматического эффекта весомости сообщаемого.

Только белорусскоязычной медиакультуре свойственно употребление конструкций деавторизации в функции передачи народной мудрости для усиления аргументации. Подобные конструкции могут сопровождаться авторскими вкраплениями в форме оценочных лексических единиц в целях солидаризации с общим фондом знаний. В контексте реализации доминантного прагматического вектора в англоязычных медиатекстах обнаруживается гомогенная природа субъектных компонентов, в то время как для белорусскоязычной медиакультуры характерна гетерогенность как в части разновидностей нереферентности субъектных компонентов и языковых средств, необходимых для их кодирования, так и в отношении конкретизации речевых действий повествующих нереферентных субъектов.

Перспективы исследования субъектной референции видятся в выявлении других субъектных моделей текстовой деавторизации с установлением их отличительных признаков и определением лингвокультурной специфики. Результаты исследования могут найти практическое применение в преподавании английского и белорусского языков для развития навыков письменной монологической речи у специалистов в области журналистики.

Библиографические ссылки

1. Abbott B. *Reference*. New York: Oxford University Press; 2010. 308 p.
2. Bach K. On referring and not referring. In: Gundel JK, Hedberg N, editors. *Reference: interdisciplinary perspectives*. New York: Oxford University Press; 2008. p. 13–58. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195331639.003.0002.
3. Huang CTJ. On the distribution and reference of empty pronouns. In: Roberts I, editor. *Comparative grammar (critical concepts in linguistics)*. New York: Routledge; 2007. p. 160–210.
4. Lee Ch. Generic sentences are topic constructions. In: Fretheim T, Gundel JK, editors. *Reference and referent accessibility*. Amsterdam: John Benjamins; 1996. p. 213–222. DOI: 10.1075/pbns.38.12lee.
5. Powell G. *Language, thought and reference*. Hampshire: Palgrave and Macmillan; 2010. 217 p.
6. Radden G. Generic reference in English: a metonymic and conceptual blending analysis. In: Panther KU, Thornburg LL, Barcelona A, editors. *Metonymy and metaphor in grammar*. Amsterdam: John Benjamins; 2009. p. 199–228. DOI: 10.1075/hcp.25.13rad.
7. Recanati F. *Direct reference: from language to thought*. Cambridge: Blackwell; 1993. 420 p.
8. Zelinsky-Wibbelt C. *Discourse and the continuity of reference*. New York: Mouton de Gruyter; 2000. 354 p.
9. Будённая ЕВ. *Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала* [диссертация]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 2018. 221 с.
10. Власенко СВ. Текст как объект референции. *Вопросы психолингвистики*. 2010;11:115–132.
11. Кудрявцева АС. Активация референтов и вероятностная оценка референциального выбора (исследование англоязычных газетных текстов). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог»: 1–4 июля 2016 г.; Москва, Россия* [Интернет]. 2016 [прочитано 16 августа 2023 г.]. Доступно по: <http://www.dialog-21.ru/media/3466/kudryavtseva.pdf>.
12. Падучева ЕВ. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект. *Вопросы языкознания*. 2012;1:27–41. EDN: OVYWHB.
13. Фёдорова ОВ, Успенская АМ. Экспериментальный анализ дискурса: референциальный выбор в ситуации потенциального референциального конфликта (экспериментальное исследование на материале русского языка). В: Кибрик АЕ, редактор. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог»: 25–29 мая 2011 г.; Бекасово, Россия. Выпуск 10*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2011. с. 196–206.
14. Добросклонская ТГ. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации. *Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика*. 2006;2:20–33. EDN: PUZPXL.
15. Кормилицина МА. Синтаксические способы дезавторизации информации в современных СМИ. В: Шмелев АД, редактор. *Вопросы культуры речи. Выпуск 9*. Москва: Наука; 2007. с. 243–249. EDN: PWEZZD.
16. Гричин СВ. *Авторизационная модель научного текста* [диссертация]. Томск: Томский государственный университет; 2017. 347 с.
17. Драчева ЮН. *Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы* [диссертация]. Вологда: Вологодский государственный университет; 2019. 575 с.
18. Ивченков ВИ. Стилистика: язык, речь и текст. *Медиалингвистика*. 2017;2:127–133.
19. Абрамова ЕИ. Медиатексты современности: аксиологические приоритеты и коммуникативные вызовы. В: Малышев АА, редактор. *Медиалингвистика. Материалы VI Международной научной конференции «Язык в координатах масс-медиа»; 30 июня – 2 июля 2022 г.; Санкт-Петербург, Россия. Выпуск 9*. Санкт-Петербург: Медиапапир; 2022. с. 183–186. EDN: QVWGRZ.
20. Жолнерович ПП. Информационная строка на телевизионном экране. *Медиалингвистика*. 2017;2:65–74.
21. Janik Ch. Marking of evidentiality in Russian and German historiographic articles. In: Suomela-Salmi E, Dervin F, editors. *Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse*. Amsterdam: John Benjamins; 2009. p. 19–32. DOI: 10.1075/pbns.193.02jan.
22. Mutsumi Yamamoto. *Agency and impersonality: their linguistic and cultural manifestations*. Amsterdam: John Benjamins; 2006. 151 p. DOI: 10.1075/slcs.78.
23. Downing A. Nominalisation and topic management in leads and headlines. In: Ventola E, editor. *Discourse and community: doing functional linguistics*. Tübingen: Gunter Narr Verlag; 2000. p. 355–378.
24. Hyland K. *Metadiscourse*. London: Continuum; 2005. 230 p.
25. Gripsrud J. *Understanding media culture*. London: Arnold; 2002. 330 p.

References

1. Abbott B. *Reference*. New York: Oxford University Press; 2010. 308 p.
2. Bach K. On referring and not referring. In: Gundel JK, Hedberg N, editors. *Reference: interdisciplinary perspectives*. New York: Oxford University Press; 2008. p. 13–58. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195331639.003.0002.

3. Huang CTJ. On the distribution and reference of empty pronouns. In: Roberts I, editor. *Comparative grammar (critical concepts in linguistics)*. New York: Routledge; 2007. p. 160–210.
4. Lee Ch. Generic sentences are topic constructions. In: Fretheim T, Gundel JK, editors. *Reference and referent accessibility*. Amsterdam: John Benjamins; 1996. p. 213–222. DOI: 10.1075/pbns.38.12lee.
5. Powell G. *Language, thought and reference*. Hampshire: Palgrave and Macmillan; 2010. 217 p.
6. Radden G. Generic reference in English: a metonymic and conceptual blending analysis. In: Panther KU, Thornburg LL, Barcelona A, editors. *Metonymy and metaphor in grammar*. Amsterdam: John Benjamins; 2009. p. 199–228. DOI: 10.1075/hcp.25.13rad.
7. Recanati F. *Direct reference: from language to thought*. Cambridge: Blackwell; 1993. 420 p.
8. Zelinsky-Wibbelt C. *Discourse and the continuity of reference*. New York: Mouton de Gruyter; 2000. 354 p.
9. Budennaya EV. *Evolyutsiya sub'ektnoi referentsii v yazykakh baltiiskogo areala* [The evolution of subjective reference in the languages of the Baltic area] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2018. 221 p. Russian.
10. Vlasenko SV. Text as referencing percept. *Journal of Psycholinguistics*. 2010;11:115–132. Russian.
11. Kudriavtseva AS. Referent activation and probabilistic evaluation of referential choice: a study of English newspaper texts. *Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual International conference «Dialogue»; 2016 June 1–4; Moscow, Russia* [Internet]. 2016 [cited 2023 August 16]. Available from: <http://www.dialog-21.ru/media/3466/kudryavtseva.pdf>. Russian.
12. Paducheva EV. Indefinite-personal sentence and its implicit subject. *Voprosy jazykoznanija*. 2012;1:27–41. Russian. OYVWHB.
13. Fedorova OV, Uspenskaya AM. Experimental analysis of discourse: the impact of a potential referential conflict on the choice of the referring expression (on the material of Russian). In: Kibrik AE, editor. *Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual International conference «Dialogue»; 2011 May 25–29; Bekasovo, Russia. Issue 10*. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2011. p. 196–206. Russian.
14. Dobrosklonskaya TG. Media discourse as an object of linguistics and cross-cultural communication. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika*. 2006;2:20–33. Russian. EDN: PUZPXL.
15. Kormilitsyna MA. [Syntactic methods of disauthorising information in modern media]. In: Shmelev AD, editor. *Voprosy kul'tury rechi. Vypusk 9* [Issues of speech culture. Issue 9]. Moscow: Nauka; 2007. p. 243–249. Russian. EDN: PWEZZD.
16. Grichin SV. *Avtorizatsionnaya model' nauchnogo teksta* [Authorisation model of scientific text] [dissertation]. Tomsk: Tomsk State University; 2017. 347 p. Russian.
17. Dracheva YuN. *Mediaobraz lokal'noi ustnoi rechevoi kul'tury: kognitivno-yazykovyye mekhanizmy* [Media image of local oral speech culture: cognitive-linguistic mechanisms] [dissertation]. Vologda: Vologda State University; 2019. 575 p. Russian.
18. Ivchenkov VI. Stylistics: language, speech and text. *Media Linguistics*. 2017;2:127–133. Russian.
19. Abramova EI. Media texts of nowadays: axiological priorities and communicative challenges. In: Malyshev AA, editor. *Media-lingvistika. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Yazyk v koordinatakh mass media»; 30 iyunya – 2 iyulya 2022 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya. Vypusk 9* [Media linguistics. Proceedings of the 6th International scientific conference «Language in the coordinates of mass media»; 2022 June 30 – July 2; Saint Petersburg, Russia. Issue 9]. Saint Petersburg: Mediapapir; 2022. p. 183–186. Russian. EDN: QVWGZR.
20. Zholnerovich PP. Information line on the TV screen. *Media Linguistics*. 2017;2:65–74. Russian.
21. Janik Ch. Marking of evidentiality in Russian and German historiographic articles. In: Suomela-Salmi E, Dervin F, editors. *Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse*. Amsterdam: John Benjamins; 2009. p. 19–32. DOI: 10.1075/pbns.193.02jan.
22. Mutsumi Yamamoto. *Agency and impersonality: their linguistic and cultural manifestations*. Amsterdam: John Benjamins; 2006. 151 p. DOI: 10.1075/slcs.78.
23. Downing A. Nominalisation and topic management in leads and headlines. In: Ventola E, editor. *Discourse and community: doing functional linguistics*. Tubingen: Gunter Narr Verlag; 2000. p. 355–378.
24. Hyland K. *Metadiscourse*. London: Continuum; 2005. 230 p.
25. Gripsrud J. *Understanding media culture*. London: Arnold; 2002. 330 p.

Статья поступила в редакцию 03.01.2024.
Received by editorial board 03.01.2024.